

Опубликовано: Разные судьбы. Петербургские зоологи – эмигранты. В сб.: На переломе. Отечественная наука в конце XIX-XX вв. Нестор № 9, вып.3. Источники, исследования, историография. Изд.Нестор-История, СПб, 2005: 236-254.

Разные судьбы. Петербургские зоологи – эмигранты.

С. И. Фокин
Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург часто называют культурной столицей России. До 1918 года, в течении двух веков, наш город был и фактической столицей Российской империи, а Санкт-Петербургский университет, расположенный в здании петровских 12 коллегий, соответственно, главным ее университетом. Созвездие имен, связанных с университетом, воистину впечатляет: знаменитые ученые, поэты, художники, писатели, общественные деятели (1). Многие научные школы зарождались именно здесь. Так, возникновение и развитие отечественной научной школы зоологии беспозвоночных в большой мере связаны с подразделением нашего университета, известным как зоотомический кабинет.

Зоотомический кабинет естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета был образован в 1871 году при разделе зоологической кафедры. Отцом-основателем его был крупный зоолог, ректор университета, проф. К. Ф. Кесслер (1815-1881). Как специалист, он интересовался преимущественно позвоночными животными, и при образовании на базе кафедры зоологии двух кабинетов – зоологического и зоотомического – Кесслер остался главой первого. Профессором зоотомии был приглашен из Казанского университета первооткрыватель педогенеза у насекомых Н. П. Вагнер (1829-1907). С тех пор и по настоящее время зоотомический кабинет (теперь кафедра зоологии беспозвоночных СПбГУ) был и остается крупнейшим отечественным центром подготовки специалистов в самых разных областях этого раздела зоологической науки.

Особенно много для совершенствования преподавания и развития научной работы в стенах кабинета сделал приемник Вагнера, всемирно известный протозоолог и крупный организатор высшего образования в России, проф. В. Т. Шевяков (1859-1930). С 1894 по 1911 год, когда он заведовал кабинетом, преподавание зоологии беспозвоночных в университете значительно улучшилось. В. Т. Шевяковым была проведена полная реорганизация учебного процесса и переоборудование кабинета по образцу зоологического института

Гейдельбергского университета (Германия), где Шевяков учился и работал с 1885 по 1894 год (2). Современники признавали, что зоотомический кабинет при Шевякове, несомненно, стал лучшим в России учреждением подобного рода.

Усилия заведующего кабинетом и его сотрудников привели к прекрасным результатам: за годы руководства Шевяковым кафедре закончили ставшие впоследствии крупными учеными в различных отраслях биологии – М. П. Римский-Корсаков, С. И. Метальников, П. П. Иванов, К. Н. Давыдов, С. В. Аверинцев, В. Д. Зеленский, В. А. Догель, Ю. А. Филипченко, И. И. Соколов, Б. П. Уваров, А. М. Дьяконов, И. П. Филипьев, А. А. Любищев, В. Н. Беклемишев, Д. М. Федотов и многие другие. Как вспоминал академик АМН СССР проф. В. Н. Беклемишев (1890-1962): “В эти годы среди молодых зоологов и студентов, группировавшихся вокруг зоотомической лаборатории, создалась атмосфера исключительного научного энтузиазма и совершенной преданности науке, согретая культом дружбы и товарищества”(3).

В. А. Догель (1882-1955), сменивший Шевякова на посту заведующего кабинетом в 1913 году, продолжил начинания своего учителя и создал ту зоологическую “догелевскую” школу, причастностью к которой до сих пор гордятся университетские зоологи - “беспозвоночники”(4).

Потом был 1917 год, в октябре которого ход русской истории круто изменил свое направление. Перед десятками тысяч людей в России сразу после революции или несколькими годами позднее реально вставал вопрос об отъезде, а иногда, и бегстве из страны. Был он насущен и для петербургской ученых – некоторые уехали, некоторые были высланы, многие остались... Закономерно, что и для выпускников зоотомического кабинета Петербургского университета революция 1917 года стала чертой, разделившей жизнь надвое и разлучившей друзей и коллег, кого надолго, кого – на всю жизнь.

Поколение первых учеников Шевякова или тех, кто лишь заканчивал при нем свое университетское образование, уже полностью вошло к этому времени в науку, они почти все сами стали докторами зоологии и профессорами. Последние его выпускники еще только делали в науке свои первые, хотя и уверенные шаги. К 1917 году закончили учебу в университете и первые ученики В. А. Догеля.

Мне известно 8 выпускников зоотомического кабинета, которые после революции в разное время и, формально по разным причинам, оказались вне России, и вынуждены были прожить там (в Америке, Франции, Англии, Швейцарии) вторую, а для многих и большую, часть жизни. Это – С. И.

Метальников (1870-1946), Б. В. Сукачев (1874-?), К. Н. Давыдов (1877-1960), Б. П. Уваров (1886-1970), В. М. Шиц (1886-1958), Д. Н. Бородин (1886-1957), Б. Ф. Соколов (1889-?) и С. А. Гоар (1892-1984). Жизнь их сложилась на Западе по-разному, но, в большинстве, они не изменили своей профессии. Все они не прерывали, по возможности, связей с Родиной, со своими друзьями и коллегами в советской России. Фрагменты их переписки хранятся в разных архивах (прежде всего в Петербургском филиале архива РАН). Это позволяет, правда далеко не в одинаковой степени, узнать, как универснтам жилось на чужбине, что думали они о происходящем в России – узнать их человеческую, а не только научную судьбу.

Они, как было принято в российском научном сообществе начала XX века, часто бывали за границей – на биологических станциях и в научных институтах. Некоторые отдыхали или лечились на Средиземном море, в Швейцарии. Как правило, это были сравнительно короткие поездки. Никто не знал, что однажды за границей им придется остаться навсегда...

В настоящей статье я не имею возможности рассказать о судьбах всех перечисленных выше зоологов-эмигрантов, для некоторых (Сукачев, Бородин и Соколов), к этому нет пока и достаточного материала. Поэтому я коснусь только судеб пяти выпускников зоотомического кабинета: С. И. Метальникова и К. Н. Давыдова, оказавшихся во Франции, Б. П. Уварова и С. А. Гоара, окончивших свои дни в Англии, а также В. М. Шица, который стал жителем Швейцарии.

Известный русский эмбриолог и зоолог-фаунист, член-корреспондент Французской Академии наук, Константин Николаевич Давыдов родился 18 декабря 1877 года (даты рождения здесь и далее по старому стилю) в Тверской губернии в семье отставного военного, прямого потомка знаменитого Дениса Давыдова. В 1896 году, закончив Псковскую гимназию, он поступил в Петербургский университет, где специализировался по зоотомическому кабинету у В. Т. Шевякова. Еще в гимназические годы Константин Николаевич заинтересовался орнитологией, по которой на первом курсе университета опубликовал свою первую научную работу. В университете он увлекся изучением беспозвоночных, но на всю жизнь сохранил привычки натуралиста-охотника.

Параллельно с учебой в университете Давыдов начал работу в Особой зоологической лаборатории Академии наук у академика А. О. Ковалевского (1840-

1901), одним из последних учеников которого он был (с 1911 года Давыдов стал штатным сотрудником этой лаборатории).

За время обучения в университете Давыдов дважды (1897, 1898) с научной целью совершал поездки в Палестину и Аравию, а в 1899 году работал на Севастопольской биологической станции. В 1900 году Константин Николаевич проводил исследования на Неаполитанской зоологической станции, где приступил к изучению регенерации у беспозвоночных (иглокожие, кольчатые черви, кишечнодышащие). Это направление исследований позднее было им продолжено в магистерской (1909) и докторской (1915) диссертациях. В 1902 году Давыдов совершил экспедицию в Индонезию, где собрал чрезвычайно богатые зоологические и этнографические коллекции.

В 1914 году К. Н. Давыдов опубликовал “Курс эмбриологии беспозвоночных” – первый на русском языке учебник по сравнительной эмбриологии. Аналогичный курс он читал в качестве приват-доцента в Петроградском университете. Вот как вспоминал о нем один из студентов – В. Н. Беклемишев:” К. Н. Давыдов с его великолепным даром слова и необычным соединением самого романтического воображения с самым ясным и трезвым умом и самой основательной ученостью в эти годы (1910-1916) впервые создавал свой курс эмбриологии беспозвоночных, впоследствии доставивший ему всеветную известность” (5). Летние сезоны 1911-1914 годов Давыдов снова работал на Средиземном море. В 1918 году он был избран профессором зоологии Пермского университета. В виду сложного военного и экономического положения, в котором оказалась Пермь в ходе гражданской войны (1918-1920), К. Н. Давыдов вернулся в Петроград, где в 1920-1921 годах работал в биологической лаборатории Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта и принимал участие в работе Олонецкой комплексной экспедиции (1920-1921).

Таким образом, Константин Николаевич во время революции был уже достаточно известным ученым. Сложности в личной жизни и невозможность соединиться с любимым человеком, оставаясь в России, вынудили Давыдова покинуть родину. Впрочем, как туманно намекала в своих воспоминаниях его жена, Агния Юрьевна Давыдова (Верещагина), “были и другие причины”(6). Считается, что самое тяжелое бытовое положение ученых Петрограда наступило в 1921/22 годах, когда последствия Гражданской войны и экономической политики “военного коммунизма” проявились в полной мере. Холод, голод, отсутствие электричества, задержка зарплаты по 2-3 месяца – это были реалии тогдашней

жизни научных учреждений. Очевидно, что и это положение способствовало решению Давыдова оставить родину. В декабре 1922 года он нелегально переходит через границу с Финляндией и через Германию добирается до Франции. Французскую визу Давыдов получил благодаря хлопотам С. И. Метальникова, который уже почти 3 года к тому времени жил и работал в Париже (6, 7). На родину К. Н. Давыдов больше не вернулся.

Во Франции, где проф. Давыдов прожил большую часть своей “зарубежной” жизни, он работал в лабораториях М. Коллери (Париж) и О. Дюбоска (Баньюльс-сюр-Мер). За это время им было подготовлено и опубликовано “Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных” (1928), принесшее автору мировую известность. В 1927 году Давыдов опять работал в Неаполе, но уже по гранту “Рокфеллеровского фонда”.

Несмотря на научное признание, жили Давыдовы бедно, а французский круг общения никак не мог заменить им соотечественников, с которыми удавалось лишь переписываться. В письме 1932 года к своему близкому другу В. В. Редикорцеву (1873-1942) Давыдов писал: “...Что сказать тебе о себе? Живу не плохо, но очень с женой грустим о России. Среди французов есть немало лиц дружески расположенных, но друзей нет и не может быть. Очень уж у нас различная психология... Очень скучаю по оставшимся в России друзьям – с тобой, с Кузнецовым ведь связано немало...Столько позади хороших, по-настоящему хороших минут и переживаний...”(8, л. 9).

Дважды К. Н. Давыдов подолгу жил с семьей в Индокитае, где он работал в Океанографическом институте в г. Кауда, близь Нья-Танга (1929-1934 и 1938-1939 годах). Это позволило ему значительно улучшить материальное положение. Научные же результаты работ Давыдова в Индокитае были поистине феноменальны: он описал свыше 140 видов губок, более 500 видов кишечнотелостных и почти 100 видов мшанок. В частности, им было обнаружено десять видов чрезвычайно редких ползающих гребневиков – *Stenoplana*. Сотни представителей других групп беспозвоночных были впервые отмечены проф. Давыдовым для этого региона. Обработкой собранных Давыдовым коллекций занимались зоологи почти всей Европы. В области систематики и фаунистики Давыдов совершил больше открытий, чем все зоологи работавшие в Индокитае в предшествующие 25 лет.

В начале Второй мировой войны проф. Давыдов получил должность руководителя работ Национального центра научных исследований Франции, а в

1949 году Парижская академия избрала Константина Николаевича своим членом-корреспондентом. Наряду с обработкой тропических сборов, К. Н. Давыдов в 1940-1950-х годах много работал над сводками, явившимися итогом его многолетних исследований. Они были опубликованы в “Руководстве по зоологии” – *Traité de Zoologie* (1948-1959): “Эмбриология иглокожих”, “Тип стомохордовых”, “Эмбриональное развитие паукообразных”, “Класс форонид”. Всего им было опубликовано более 100 научных работ.

Давыдов был исключительно талантливым оратором, его лекции бывшие студенты вспоминали спустя десятилетия; имел он постоянный успех и выступая с разнообразными популярными лекциями во Франции. Тонкий знаток природы: натуралист-охотник, тип ученого теперь полностью исчезнувший, в конце жизни К. Н. Давыдов написал несколько блестящих очерков о русской природе, к сожалению оставшихся неопубликованными (9).

“С самого начала своей жизни во Франции – вспоминала жена Давыдова Агния Юрьевна – мы все время поддерживали переписку с родными в Ленинграде, а К. Н. и с некоторыми близкими друзьями-учеными, до 1937 года, когда сразу все оборвалось”(6). Только в 1955 году Давыдовы получили вести с родины: пришли письма от А. А. Любищева (1890-1972) и В. Н. Беклемишева. В ответ Константин Николаевич писал Любищеву: “ Милый и дорогой Александр Александрович. Только что получил Ваше письмо и несказанно обрадовался – столько старых чудных воспоминаний пробудило оно в моей душе. Так счастлив, что мои старые друзья еще помнят обо мне – не много уж их осталось в живых. Какое это было хорошее время, когда мы вместе собирались в нашей уютной лаборатории Академии... Ну довольно о прошлом – нервы не выдержат испытания. Что сказать о себе. Я женат с 23-го года (на сестре покойного Верещагина – Вы ее встретили раз у меня) и в этом отношении очень счастлив. Моя жена – лучшая моя помощница и сотрудница. Есть сын – профессор русского языка в лучших лицеях Парижа, пишет даже учебники для французов. Женат на француженке... Мечтаем возвратится в Россию, для которой сохраняю лучшие экземпляры ктенопляны и целопляны¹” (5).

Несмотря на активную переписку с русскими коллегами и друзьями и визиты некоторых из них в Париж в последние годы жизни К. Н. Давыдова (5, 9), побывать на родине ему уже не пришлось. 21 июня 1960 года, через 11 дней после случившегося инсульта, Константин Николаевич скончался.

¹ Роды редких ползающих гребневиков (*Stenophora*), обнаруженных Давыдовым в Индо-Китае.

Известный отечественный биолог, один из основателей психонейроиммунологии Сергей Иванович Метальников родился 23 апреля 1870 года в с. Кротково Сенгилевском уезда Симбирской губернии в семье потомственного дворянина, майора И. М. Метальникова. Окончив Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге в 1890 году, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета столичного университета.

Сергей Иванович специализировался в зоотомическом кабинете у проф. Н. П. Вагнера, а позже – у В. Т. Шевякова. Ввиду слабого здоровья Метальников учился на год дольше обычного – пять лет, фактически же получил свидетельство об окончании курса (диплом I степени) лишь в 1896 году, так как за участие в студенческой кассе взаимопомощи и комитете по подаче петиций был на 7 месяцев исключен из университета (10, л. 58).

Еще в студенческие годы Сергей Иванович начал исследовательскую работу под руководством академика А. О. Ковалевского, одним из немногих учеников которого в Петербургском университете он считается. Объектом его изучения были выделительные органы насекомых. Определенное влияние (в смысле выбора направления ряда дальнейших исследований) на Метальникова оказал протозоолог (в 1894-1895 годах приват-доцент) В. Т. Шевяков, под руководством которого Метальников начал свою научную деятельность и в Особой зоологической лаборатории Академии наук.

Научно-философское мировоззрение Сергея Ивановича в большой степени сложилось под влиянием известного анатома и педагога, автора научной системы физического воспитания, проф. П. Ф. Лесгафта (1837-1909), который был преподавателем Метальникова в университете. У него же, в Биологической лаборатории, Сергей Иванович начал работать уже с 1895 года, еще не окончив курс университета (11, л. 7). Дружба Метальникова с однокурсником, будущим крупным философом Н. О. Лосским (1870-1965), по-видимому, пробудила в нем серьезный интерес к философии. Вместе со своим другом и несколькими сверстниками Метальников организовал у себя дома философский кружок, который через некоторое время стал собираться на квартире М. Н. Стоюниной – директора и основательницы известной в Петербурге частной женской гимназии. В этой гимназии в качестве пансионерки училась будущая жена Сергея Ивановича – Ольга Владимировна Димитриева.

Окончив университет С. И. Метальников, оставленный на два года для подготовки к профессорскому званию, работает у академика А. О. Ковалевского в Особой зоологической лаборатории. Вскоре он едет на стажировку за границу: в Гейдельберг к знаменитому протозоологу проф. О. Бючли (1897), на Виллафранкскую зоологическую станцию (1895) и дважды (октябрь 1897 – январь 1898 и ноябрь 1898 – апрель 1899) на Неаполитанскую зоологическую станцию, где он изучал внутриклеточное пищеварение у морских ежей и исследовал состав крови и фагоцитарные органы у червя *Sipunculus nudus*. После этого Метальников стажирuется у Мечникова в Институте Пастера (Париж) и, по возвращении, поступает в Особую зоологическую лабораторию Академии наук. Уже как штатный сотрудник этой лаборатории Метальников летом 1901 года участвовал в последней экспедиции академика Ковалевского на Принцевы острова.

В этой лаборатории Академии наук Сергей Иванович состоял штатным лаборантом с 1901 по 1910 год. Кроме того он активно работал в Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (с 1900 года как член совета лаборатории), преподавал (с 1902) на курсах Воспитательниц и руководительниц физического образования (Лесгафтовских), на Высших женских (Бестужевских) курсах, где был избран профессором зоологии в 1911 году и участвовал в организации и работе общества “Маленькие зоологи”. Значительное время Метальников посвятил работе в Институте экспериментальной медицины, где в качестве стажера он проводил исследования в лабораториях Н. О. Зибер-Шумовой (1856-1916) и М. В. Ненцкого (1847-1901).

Несмотря на упоминания, распространенные в литературе (12, 13), основой для которых, по-видимому, послужила фраза из обзора работ Метальникова 1940 года (14), он никогда не был профессором университета и не преподавал там. Сдав в 1905 году магистерские экзамены, Метальников получил степень магистра зоологии Харьковского университета в 1908 году за работу “Экспериментальные исследования над пчелиной молью (*Galleria mellonella*)”.

Начав свою научную карьеру как зоолог-физиолог, Метальников в 1900-1901 годах стажировался (по рекомендации А. О. Ковалевского), а в 1904-1908 годах неоднократно работал в лаборатории проф. И. И. Мечникова (1845-1916), в парижском институте Пастера (15). Эта работа определила его интерес к новому направлению научных изысканий – иммунологии. После смерти П. Ф. Лесгафта, в 1909 году, С. И. Метальников возглавил Биологическую лабораторию, где

развернулись его работы по сперматотоксинам, иммунитету у насекомых и физиологии пищеварения у инфузорий, а также изучению условно-рефлекторного механизма иммунных реакций (1909-1916). В эти же годы Сергей Иванович был избран заместителем директора Высших лесгафтовских курсов.

Помимо научной и преподавательской деятельности Метальникова продолжали волновать общефилософские вопросы бытия и, в частности проблема бессмертия. В период работы в Биологической лаборатории Метальников становится масоном (16). Он вел активную общественно-научную деятельность: сотрудничал с популярными научными журналами; был редактором отдела журнала “Природа”, главным секретарем “Санкт-Петербургского Биологического общества”, организованного при его участии в 1912 году, а в 1918 году – одним из основателей Таврического университета в г. Симферополь.

Приход к власти большевиков Метальников воспринял как катастрофу. Сразу после октябрьского переворота (в ноябре 1917 года) Сергей Иванович уехал в Крым, где у него возле Аюдага было солидное имение “Артек”. В открытке своему другу и однокурснику по университету Н. Я. Кузнецову (1873-1948) он писал: “Милый и дорогой друг Николай Яковлевич, вот уже 3 недели как я в Артеке. Уехал из Петрограда, т. к. боялся, что проклятые бандиты-большевики перервут сообщение с Югом и я не буду в состоянии поехать к своим. Живем мы в Артеке. Здесь пока что очень спокойно, но людей почти не видим, об событиях узнаем дней через 10 после того, как они свершились...” (17, л. 69). Однако и Крым скоро перестал быть спокойным местом. В конце января 1918 года Сергей Иванович писал в Петроград: “9-го в Ялту явились большевицкие суда из Севастополя и началось форменное сражение матросов и татар... 6 суток город бомбардировали с моря. Можешь себе представить, что испытывали все мирные жители. Теперь весь город находится во власти матросов и хулиганов-красногвардейцев. Очень мечтаем эмигрировать куда-нибудь: в Америку или Австралию. Но как это сделать! Вот вопрос...” (17, л.71).

В Петербург он больше не вернулся, хотя поездка в Пермь в конце лета 1916 года говорит о том, что Метальников пытался найти место для научных занятий в России (17, л. 67). Это ему не удалось, и в 1919 году вместе с семьей через Константинополь и Варну Метальников уехал в Париж, куда был приглашен директором Института Пастера проф. Э. Ру (1853-1933) возглавить одну из лабораторий. В конце 1920 года Сергей Иванович на месяц вернулся в Крым и

чудом попал на французский дредноут “Вальдек Руссо”, который последним ушел из Севастополя на Запад (7).

Во французский период своей жизни проф. Метальников стал одним из основоположников психонейроиммунологии (12). Он занимался изучением иммунитета беспозвоночных (прежде всего насекомых), связью иммунитета с деятельностью нервной системы, а также разработкой биологических способов борьбы с вредными насекомыми. По всем перечисленным направлениям исследований им были опубликованы многочисленные статьи (14). Начиная с 30-х годов, Метальников все больше внимания уделял проблемам эволюции и бессмертия. “Борьба против смерти” (1937) и “Роль психических факторов в эволюции” (1940) последние его крупные произведения.

Несмотря на постоянную работу (до 1940 года) и значительные заработки (несколько премий Парижской Академии наук), семья Метальниковых, как и большинство эмигрантов, жила весьма скромно: у С. И. и О. В. Метальниковых было трое детей. Хотя старшие (Анна и Екатерина) были уже замужем и жили отдельно, но отцу приходилось им помогать. Помимо сына Сергея в семье в это время жила теща, внучка Сергея Ивановича и сын его друга Николая Лосского (17, л. 73).

Вначале, как у многих эмигрантов, у Сергея Ивановича были надежды на скорое возвращение, но они быстро рассеялись. В 1926 году он писал на родину: “ Я не знаю почему Стрельников² вывел заключение о моем намерении приехать на родину. По временам я скучаю и мне очень хотелось бы побывать у вас, повидаться со всеми друзьями и близкими, но я понимаю, что это пока невозможно...” (17, л.77).

С годами Метальников отошел от юношеского атеизма, а в научном плане стал “практическим” виталистом³. “...Без идеализма и без религии плохо жить на нашей грешной земле” – писал Сергей Иванович в конце 20-х годов своему самому близкому другу проф. Н. Я. Кузнецову (17, л.78). Во Франции Метальников вошел в ложу “Северная Звезда” и активно сотрудничал с другими масонскими организациями, где неоднократно выступал с докладами: “Наука и мораль”, “Бессмертие и эволюция смерти”, “Материализм и мировая катастрофа”(16).

Сергей Иванович всю жизнь был общительным и отзывчивым человеком, при этом (до революции) достаточно богатым. Многие его ученики и коллеги не раз

² И. Д. Стрельников (1887-1981) – один из учеников Метальникова по Биологической лаборатории, который считал С.И. своим приемным отцом.

пользовались его помощью. Помогал он соотечественникам и живя во Франции. В 1927 году Метальниковым удалось приобрести небольшой участок земли недалеко от Тулона на Средиземноморском побережье. В доме, построенном там, как когда-то в Артеке, бывали коллеги и знакомые, там же семья пережила начало мировой войны.

Проф. Метальников несомненно был видным ученым, он опубликовал около 250 научных работ, прежде всего в области сравнительной физиологии беспозвоночных, прикладной микробиологии и иммунологии. Некоторые из его работ открыли новые направления исследований и имели значительный потенциал для практического использования в промышленности и сельском хозяйстве. Его исследованиями в области прикладной микробиологии перед войной интересовались в Германии и Америке, а в конце XX века изучение антимикробных пептидов, участвующих в иммунном ответе насекомых, развернулись в родном Сергее Ивановичу Петербургском университете. Одно из семейств этих соединений названо в честь первооткрывателя гуморального иммунитета насекомых метальниковинами.

Живя во Франции, Метальников не только занимался наукой, но и принимал активное участие в общественной жизни русских организаций: Русского народного университета в Париже, Русского национального объединения и академической группы. Он был избран председателем Комиссии по вопросам о положении науки и ученых в России. В Русском народном университете Сергей Иванович (бывший там товарищем председателя) читал лекции по биологии и медицине.

В Париже у Метальникова было около 100 учеников разных национальностей, многие из которых стали впоследствии известными учеными (14). Среди учеников, оставшихся в советской России, наиболее известен И. Д. Стрельников, ставший крупным специалистом по эволюционной морфологии и физиологии животных и экологии насекомых.

В 1939 году, накануне Второй мировой войны, Сергей Иванович писал своему товарищу по Петербургскому университету проф. М. Н. Римскому-Корсакову (1873-1951): “Я по-прежнему здоров и совсем не чувствую старости...и никогда у меня не было такого стремления к творчеству как теперь” (18, л.14). К сожалению, обстановка, создавшаяся в Институте Пастера в начале войны, не способствовала продолжению исследований Метальникова. Осенью 1940 года его лаборатория

³ Термин А. Г. Гурвича (1874-1954), активного участника Биологического общества.

была закрыта, а он отправлен на пенсию (19), что, конечно, сильно повлияло на его материальное и моральное состояние. Есть неподтвержденное указание на то, что Метальников был арестован нацистскими властями и это сыграло решающую роль в его болезни (20). По-видимому, к 1943 году психологическое состояние Сергея Ивановича настолько ухудшилось, что он был помещен в клинику для душевнобольных в Медоне. Там он и скончался 27 сентября 1946 года.

Несколько особняком от других, по формальным признакам, стоит судьба члена Королевского общества Великобритании, профессора С. А. Гоара (21), отец которого журналист Артур Гоар (Arthur Stowell Hoar) был англичанином, а мать – Амалия Шалле (Aimee Challe) русской подданной, уроженкой г. Витебска. Родившись в Голландии 6 марта 1892 года, Сесиль Артурович имел двойное гражданство, хотя и жил с 6 лет с матерью в Санкт-Петербурге. Окончив Петроградский университет в 1917 году, где он специализировался в зоотомическом кабинете у проф. В. А. Догеля, Гоар, как и его учитель, начал заниматься протозоологией. В 1918 году молодой ученый был избран ассистентом на кафедру биологии в Военно-медицинскую академию к известному зоологу, проф. Н. А. Холодковскому. Такое многообещающее начало научной карьеры, к сожалению для отечественной протозоологии и паразитологии, было прервано. Красный террор конца 1918-1919 годов затронул и иностранцев, проживавших в Петрограде. Для Гоара он обернулся, к счастью, только 2 месяцами тюрьмы в 1919 году. Через год (в июне 1920 года) С. А. Гоар уехал из России. Формально отъезд был санкционирован Академией наук России как командировка для изучения кровяных паразитов и патогенных простейших в научных центрах Франции и Англии. Вернуться в Россию Гоар должен был в апреле 1921 года. В виду того, что отец Сесилия Артуровича был англичанином, в Англии он оказался скорее репатриантом, по крайней мере, для местных властей.

Вначале Гоар не собирался оставаться в Англии навсегда, поскольку рассчитывал на скорое возвращение в Россию. В этой связи у него была интенсивная переписка с его учителем, проф. В. А. Догелем. Так, в конце 1921 года он писал в Петроград: “Дорогой Валентин Александрович, ...Хотелось бы узнать, как протекает работа в Alma Mater, что Вы делаете, как все живете... Работы очень много и все время занято ею. Условия жизни здесь при малом содержании позволяют только-только свести концы с концами... Мне очень приятно было бы получать вести от Вас и

коллег и хоть таким образом участвовать в Вашей жизни. Если нужны справки по литературе, я по мере возможности готов наводить их для всех своих коллег. Какая у Вас в этом году зима? Как с топливом и питанием?”(22).

Спустя год Гоар все еще надеялся найти применение своим знаниям в Петрограде:”Очень был рад получить Ваше письмо. Приятно слышать, что, несмотря на все невзгоды, Вам удастся поставить научную работу на ноги снова...Я хочу Вам сказать, что очень ценю Вашу готовность в будущем иметь меня у себя. Я сам не теряю надежды вернуться, т. к. поле деятельности в России гораздо шире. Думаю, что мое пребывание здесь может быть тоже полезно, т.к. я накопляю “багаж”... Таким образом, у меня будет специальность, в которой, как Вы знаете, в России сейчас весьма мало знатоков, а в Петрограде тем более... Передайте, пожалуйста, мой глубокий привет всем старшим и младшим коллегам. Хотелось бы на ковре-невидимке прилететь в Питер и всех Вас повидать и по городу походить!”(22).

Шло время. После трехлетней упорной работы и жизни “на стипендию” Сесиль Артурович, наконец, получил в Англии постоянную должность. “В смысле материальном – писал он Догелю – положение только немного улучшилось, ибо нашему брату везде неважно платят, но в смысле положения (ровняется университетской доцентуре) и спокойствия – значительно лучше. Думаю, что Вам об этом будет приятно узнать. Не думайте, что я забросил мысль о России. При настоящем положении вопрос этот, конечно, отдаленный, но связь моя со всеми Вами не так легко порвется, и меня будет тянуть опять, соединиться с Вами и с русской широкой природой, которой так не достает здесь натуралисту...” (22).

После отъезда, уже будучи профессором и академиком на пенсии, всемирно известный специалист по паразитическим простейшим, С. А. Гоар, впервые вступил на российскую землю только в 1959 году. Эти долгие 39 лет проф. Гоар не терял связи с Россией: доставал коллегам нужную литературу, переводил на английский присланные ими работы, писал о потерях русской науки. Символично, что проф. С. А. Гоар вместе с проф. Ю. И. Полянским принял участие в редактировании английского издания “Общей протистологии” В. А. Догеля, увидевшей свет в 1965 году. Англоязычный мир познакомился с этой работой Догеля благодаря двум его ученикам.

Безусловно, одним из наиболее известных русских эмигрантов-зоологов стал за рубежом Б. П. Уваров, окончивший естественное отделение Петербургского

университета в 1910 году. Приехавший в столицу из маленького провинциального Уральска, третий сын мелкого банковского служащего (23), Борис Петрович, по воспоминаниям своего однокурсника А. А. Любищева (24), был одним из самых талантливых и целеустремленных студентов зоотомического кабинета того времени. Рано определившись в своих пристрастиях – энтомология (прямокрылые), он даже не проходил студентом большого практикума (специального сравнительно-анатомического курса по основным группам беспозвоночных животных), а сконцентрировался на работе по энтомологии в Русском энтомологическом обществе. Там одним из его неформальных учителей был проф. Н. Я. Кузнецов. Уварова явно привлекали полевые исследования. Сначала это было изучение прямокрылых Уральской области (24, 25), куда Уваров ездил вместе со своими сокурсниками В. М. Шицом и Д. Н. Бородиным, а после окончания университета – работа энтомологом в Мургабе (Байрам-Али, Туркмения).

Как специалист по борьбе с саранчовыми, Б. П. Уваров был вскоре переведен в Ставрополь, где он организовал Ставропольское энтомологическое бюро (1912). В 1915 году он переезжает в Тифлис (Тбилиси), где становится старшим специалистом по прикладной энтомологии в департаменте земледелия (26, л. 6). Там Уваров жил и во время революции в России. Таким образом, он оказался за границей еще до отъезда в Англию (Грузия в это время была независимым государством). В 1920 году он принимает предложение английских коллег и уезжает с семьей в Лондон. Там начинается его “международная карьера”: сначала в Имперском бюро по энтомологии, а потом, главным образом в Британском музее, на базе которого был создан противосаранчовый исследовательский центр во главе с Б. П. Уваровым.

Переписывался Уваров по преимуществу с Н. Я. Кузнецовым, с которым его связывали профессиональные интересы. Он писал своему учителю из Лондона: “Дорогой Николай Яковлевич, ...Вы интересуетесь, как мои дела и настроения. Дела текут размеренным порядком, и дни и недели только мелькают одни за другими, из них складываются годы: вот уже 8 лет, как я здесь. На обстановку и условия работы жаловаться никак нельзя – всегда я стремился к работе в большом Музее и теперь оказался в самом большом, какой только существует. Однако человек ничем не бывает доволен и иногда является непреборимая склонность к нытью. Главная причина – изрядная скука и жизни и работы в английских условиях: все течет спокойно и ровно, нет ни больших неприятностей, ни ярких радостей. В работе меня немало угнетает то, что чувствуешь себя изолированным –

людей с широкими интересами среди здешних энтомологов нет, все только специалисты, притом служебные, вне службы не работающие, и даже не интересующиеся работой. Не с кем, поэтому, поговорить и поспорить на разные общие темы...Словом, можно подвести итог в таком виде – жить и работать хорошо, но иногда до тошноты скучно. В результате со страхом замечаю, как постепенно гаснет огонек энтузиазма к работе, без которого становится иногда пусто на душе. Играет в этом некоторую роль, вероятно, и просто оторванность от Родины, но об этом говорить не приходится – надо, так или иначе, сидеть здесь...” (26, л.24)

В 1929 году в Африке и Азии был небывалый всплеск размножения саранчи. Сельское хозяйство огромных территорий несло колоссальные убытки (25). Эколого-зоогеографическое направление работ Уварова в этих условиях оказалось полностью востребованным, а его международный авторитет как главного специалиста по прикладной энтомологии, рос с каждым годом. Б. П.Уваров постоянно выезжал в Юго-Западную Азию и Африку, чтобы на месте налаживать изучение и борьбу с саранчой. Параллельно он публикует ряд крупных систематических и прикладных работ. Фактически он становится отцом “акридологии”. Из 2000 видов саранчовых Африки около 500 были описаны Уваровым, им был открыт феномен фазности в развитии этих прямокрылых (25). Его заслуги перед международным сообществом (противосаранчовый центр работал с 1945 года под эгидой ООН) были отмечены орденами “Михаила и Георгия” (Англия), “Почетного легиона” (Франция) и “Льва” (Бельгия). Б. П. Уваров был избран членом Королевского общества (1950) и получил в Англии личное дворянство.

Все это время он был в постоянной переписке с коллегами из России и помогал им по мере возможности – книгами, присылкой журналов, а то и продуктовых посылок.

“Дорогой Михаил Николаевич! – писал Уваров проф. М. Н. Римскому-Корсакову (1873-1951), одному из своих учителей по университету – “ с удовольствием исполняю Вашу просьбу написать о своей группе в Университете... Надо сказать, что немало из этой группы “вышли в люди”. Компания в лаборатории беспозвоночных была дружная, а временами – довольно бурная; немало было безобидного мальчишества, но работали много и упорно – по крайней мере, другие, а я лично большой склонности к микротому не питал и над “живорезами” подтрунивал... Словом, профессиональным энтомологом я сделался

без всякой квалификации, кроме чисто любительской – раньше это было возможно. Впрочем, главной своей школой я считаю Энтомологическое общество...” (27, л. 64).

Побывать на родине сэру Уварову пришлось только в 1968 году, в дни XIII Международного энтомологического конгресса. Профессор А. А. Любищев, знавший Б. П. Уварова на протяжении 60 лет так закончил свои воспоминания о нем: “Во всей своей деятельности он прожил жизнь, достойную подражания и я не знаю ни единого пятнышка на этом моральном облике” (24, л. 9).

Молодой магистрант-зоолог В. М. Шиц, сын преподавателя естествознания земской школы (в последствии – банковского служащего) из Новгорода (27), в момент революции работал в Париже. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета с дипломом I степени вместе с Уваровым в 1910 году. До начала войны Виктор Михайлович работал в Лесном институте сверхштатным ассистентом по зоологии у проф. Н. А. Холодковского (в то время многие профессора и доценты преподавали сразу в нескольких учебных заведениях). В 1913 году он блестяще сдал магистерские экзамены и был прикомандирован к Особой зоологической лаборатории Академии наук. Работал в Неаполе и на русской биологической станции Вильфранш-сюр-мер, близь Ниццы, где занимался в течение двух лет изучением сперматогенеза у моллюсков. Видимо, эта работа могла бы вырасти в магистерскую диссертацию, но война и дальнейшие события этому помешали.

Собственно, пребывание Шица в Париже не имело отношения к науке – это была военная служба. Призванный в армию Виктор Михайлович, как человек в высшем образовании попал в особую артиллерийскую комиссию, созданную в Париже российским военным агентом графом А. А. Игнатьевым. После революции в России эта комиссия проработала еще почти два года и распалась. Одно время Шиц был химиком-исследователем в Лионе, а осенью 1919 года переехал в Швейцарию, в Берн. Оттуда он надеялся вернуться в Россию, но надежды эти не осуществились, и В. М. Шиц навсегда остался в Швейцарии.

Под влиянием обстоятельств – иностранцам было практически невозможно получить работу, – он принял (а точнее со временем получил) швейцарское гражданство, женившись в 1924 году на уроженке г. Берна. Зоологическое образование ему не пригодилось: все места в местном университете были заняты, да и к иностранцам, даже с немецкой фамилией, в косной Швейцарии относились с

большим предубеждением. Сначала Виктор Михайлович попробовал заниматься бактериологией, но появилась семья, и работать без оплаты стало совершенно невозможно – в 1925 году Шиц окончательно забросил науку.

Неожиданно В. М. Шиц обнаружил у себя определенные способности к рисованию, которые после посещения специальной школы в Берне и занятий у художника в Париже, стали основой его профессиональной деятельности. Всю свою дальнейшую жизнь он зарабатывал рисованием настенных таблиц для университета, школ и других просветительских учреждений. Работа эта была непостоянная, неприбыльная и позволяла временами едва-едва сводить концы с концами. Но выбора не было. Отдушиной в жизни В. М. стало рисование “для себя” (впрочем, кое-что ему удавалось продавать на выставках), коллекционирование марок, переписка со своим университетским педагогом проф. М. Н. Римским-Корсаковым (старшим сыном нашего знаменитого композитора) и лекции о России, которые Шиц устраивал при каждом удобном случае. Во время Второй мировой войны и сразу после нее интерес к России в провинциальной Швейцарии был значителен и лекции русского, который, несмотря на гражданство, все равно оставался в глазах аборигенов иностранцем, пользовались успехом.

Профессор М. Н. Римский-Корсаков, известный энтомолог и популяризатор наследия своего великого отца, был удивительно деликатным и душевным человеком, что не мешало ему однако иметь твердые убеждения, которым он никогда не изменял. Очевидно, он понял, что является для бывшего ученика “светом в окошке”, к тому же Михаил Николаевич любил писать письма... Их переписка продолжалась с 1922 по 1950 год.

В академическом архиве сохранилось около 150 писем и открыток, посланных из Берна (28). В них, по сути, история всей “заграничной” жизни Виктора Михайловича – документ трагедии целого поколения и в то же время свидетельство стойкости человеческого духа. Ответные письма Римского-Корсакова, к сожалению, не сохранились. Михаил Николаевич не был поклонником советского строя и, по-видимому, не скрывал этого в письмах, отговаривая Шица от возвращения в советскую Россию. Тем не менее, как и многие, Виктор Михайлович хотел вернуться на родину, тем более, что он не был в прямом смысле эмигрантом.

В начале 1922 года он писал Римскому-Корсакову: “Многоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич! Мне очень хотелось бы узнать поподробнее как о Вашем житье-бытье, так и вообще о положении Высшей школы в современной России. Я

собираюсь в скором времени, однако не раньше осени, вернуться в Россию, а потому мне было бы желательно предварительно узнать об условиях существования, а главное, на что я могу надеяться по приезду в Россию? В 1919-1921 годах я был занят писанием большого труда “Насекомые и болезни”, который в скором времени будет напечатан в Праге⁴... (29, л. 1).

Как уже упоминалось, многие эмигранты в начале 20-х годов предполагали, что советский режим в России явление временное и не за горами скорое возвращение на родину. Римский-Корсаков, наблюдая ситуацию “изнутри”, не обнадеживал своего швейцарского корреспондента. Подтверждением тому письмо из Берна конца 1922 года: “Многоуважаемый Михаил Николаевич! Получил Ваше скорбное письмо и очень благодарю за весточку. Я было уже совсем собрался ехать в Россию, в особенности после разговора с Л. А. Тарасевичем и С. И. Метальниковым (на прошлой недели я ездил в Париж). Последний даже заявил мне, что по всем данным “нарыв рассасывается” и “через год и вовсе рассосется”. Ваше письмо звучит, кажется, диссонансом к столь оптимистическому взгляду и мне, увы, сдается, что Вы правы... Вопрос о хлебе насущном стоит очень остро и, кажется, здесь подохнуть с голоду так же легко, как и у Вас...(29, л.2).

Тем не менее Виктор Михайлович никак не мог смириться с тем, что возвращение невозможно: “...Спасибо за сведения, которые Вы мне даете. При подобных обстоятельствах лучше, конечно, отложить возвращение на родину. Я могу перенести все, кроме морального гнета. Однако и здесь живется не особенно сладко. Если у Вас остается мало досуга на научную работу, то у меня его и совсем нет. Только и делаю, что рисую стенные таблицы по микробиологии и паразитологии. Этим и живу... Скажите объективно, Вы либо настроены так мрачно или же на самом деле действительность столь неприглядна, что порождает у Вас черные мысли? При чтении Ваших писем всегда мороз по коже проходит. Думается, что худшее уже в прошлом и что, наконец, мы вступили в эру творения, а не разрушения. Думается, что Россия достаточно настрадалась и уже успела очухаться от пьяного кошмара, объявшего ее... Ваши письма рассеивают все эти мечты и надежды и... удерживают меня от возвращения. Я стою теперь перед дилеммой: оставаться здесь, значит навсегда отказаться от научной деятельности и окончательно превратиться в поденщика, зарабатывающего себе хлеб насущный тем или иным способом. Ехать в Россию? – но что мне сулит родина?? Что если и

⁴ К сожалению, этот внушительный труд: свыше 500 страниц текста и 309 рисунков так и не был издан. Дочь В. М., Татьяна Викторовна Декоппет-Шиц передала его в дар кафедре зоологии беспозвоночных

там, вместо науки, придется гнаться за тем же куском хлеба, только еще более черствым...(29, л. 8).

К концу 1924 года жизнь расставила все по местам, не оставив В. М. Шицу выбора:

“Дорогой Михаил Николаевич! Давненько не писал Вам. Со времени последнего письма много воды утекло. Мои российские похождения окончились совершенно неожиданно (т.е. конечно для меня неожиданно): советские власти не только отказали мне в наложении визы на паспорт, но отказали мне в правах гражданства (хотя, будучи русским, я, конечно, никогда и не ходатайствовал о “приобретении” оных прав)...” (29, л.14).

Шли годы, у Шица выросли две дочери: одна стала учительницей, а потом театральным критиком, другая – архитектором, а он все делал и делал таблицы. Периоды относительного благополучия сменялись полным безденежьем. Он тяготился своею “бернской” жизнью, но понимал, что другой не будет. Выручала семья, переписка с Римским-Корсаковым, “русские” лекции и вечера, которые с середины 30-х годов Шиц стал устраивать для местной публики, да писание статей о России в местной прессе. Доклады с музыкальным сопровождением “Н. А. Римский-Корсаков, его жизнь и творчество”, “Чайковский”, “Санкт-Петербург-Ленинград”, “День Пушкина” имели положительный успех среди бернцев.

Он живо откликался в письмах на события в СССР и в мире, всегда говоря про Россию - “у нас”. Прошла война, которую Шиц особенно переживал, и по окончании которой ненадолго у него снова вспыхнула надежда на репатриацию. Круг тем его лекций о России продолжал расширяться, неоднократно Виктора Михайловича приглашали выступать по местному радио, но забота о “хлебе насущном” не отпускала, а здоровье стало заметно сдавать. В начале 1951 году умер М. Н. Римский-Корсаков, и около трех лет связи у Шица с родиной не было. Потом на его письма откликнулся Любищев, с которым они изредка переписывались. В 1958 году В. М. Шица не стало.

“...Так и прошла вся жизнь в нелепом ожидании чего-то, что никогда не сбудется – писал Виктор Михайлович в одном из последних писем к Любищеву - Вечный бег на месте. Вечная погоня за заработком! Ты, брат, совершенно не знаешь, что такое “демократическая” Швейцария, раз спрашиваешь, почему я, дескать, не при университете и бросил науку... Но кто же, милый мой, моей персоной интересуется?! В лучшем случае интересуются мною как хорошим, а

главное дешевым работником, а в худшем – прямо плюют на меня. Я пришелся не ко двору... Ни Богу свечка, ни черту кочерга! А время бежит и скоро стукнет 70 годков! Таким образом, я стал хорошим “табелленмалером”, посредственным художником и скверным писателем (от времени до времени я пишу статейки в местные газеты). Впрочем, я написал большой труд “Россия и Европа” и ищу теперь издателя...

С тех пор как умер Корсинька, с которым я состоял в оживленной переписке, я ничего более не знаю о России. В общем, живешь здесь как в темнице... Одним словом, жизнь прошла здесь даром, в бесконечном ожидании... Я, конечно, не вкусил прелестей социалистического мира, но капиталистического рая я вкусил вполне, прямо сказать объелся им...” (30, л.2-9).

Стало уже общим местом говорить о том, сколько мы потеряли, лишив страну миллионов граждан. В большинстве это были честные люди и хорошие работники. Тысячи из них были талантливы, а десятки – гениальны. Однако от повторения истина не перестает быть истиной. Там, за пределами отечества, они, вне зависимости от национальности, оказались русскими. Голос крови и загадочной русской души еще эхом звучит в сердцах их детей и внуков, считающихся уже французами, американцами, немцами... Их отцам и дедам было трудно, горько, а порой и мучительно жить вдали от родины, но такова оказалась их судьба.

Рассеялись русские семена по всему миру, где-то проросли и дали крепкие всходы, а где-то зачухли и погибли. Хвала их стойкости, мир их праху!

Я благодарен всем, способствовавшим появлению этой статьи: Т. В. Декоппет-Шниц (Decoppet-Schütz, Wabern, Switzerland), М. Н. Телеповой (Париж, Франция), Н. И. Стрельниковой, Е. В. и О. И. Райковым (Ст.-Петербург, Россия), Д. Демельеру (D. Demellier, Archive Institute Pasteur, Paris, France), А. Корлякову (Париж, Франция) и А. В. Смирнову (Ст.-Петербург, Россия), а также сотрудникам Ст.-Петербургского филиала архива Российской Академии наук.

Литература

1. Знаменитые универсанты. Именной указатель. СПбГУ, 2002.
2. Fokin S. I. 2000. Professor W. T. Schewiakoff: life and science. Protist, 151: 181-189.
3. Беклемишев В. Н. 1959. Дмитрий Михайлович Федотов (к семидесятилетию). Тр.ИМЖ, вып. 27. С. 5-11.
4. Фокин С. И. (ред.) 2002. Человек, с которым было хорошо. Воспоминания

- Валентине Александровиче Догеле (1882-1955). Тр. СпБОЕ, сер. 1, Т.95.
5. Любищев А. А. 1966. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Тр. НИЕТ, Т. 46, вып. 11. С. 105-116.
 6. Давыдова А. Ю. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Машинописный текст из архива семьи Б. Е. Райкова. 260 С.
 7. Петр Евграфович Ковалевский. Дневники 1918-1922. СПб, "Европейский дом" Т.1
 8. Письма К. Н. Давыдова к В. В. Редикорцеву. СПб филиал АРАН, фонд 756, опись 1, дело 114.
 9. Бляхер Л. Я. 1963. Константин Николаевич Давыдов. АН СССР, М.
 10. Метальников С. И. ЦГИА СПб, фонд 14, опись 3, дело 27555.
 11. Лесгафт П. Ф. ЦГИА СПб, фонд 2165, опись 1, дело 130.
 12. Серков А. И. 2001. Русское масонство 1731-2000. Энцикл. словарь. М, РОССПЭН. С.542.
 13. Ульянкина Т. И. Метальников Сергей Иванович. В кн: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции первая треть XX века. Энцикл. биограф. словарь. М., РОССПЭН. С. 408-410.
 14. Travaux du Professeur S. Metalnikov chef de Service à l'Institut Pasteur. МТА. Archive Institute Pasteur.
 15. Метальников С. И. СПб филиал АРАН, фонд 4, опись 4, дело 388.
 16. Серков А. И. 1997. История русского масонства 1845-1945. СПб.
 17. Письма С. И. Метальникова к Н. Я. Кузнецову. СПб филиал АРАН, фонд 793, опись 2, дело 418.
 18. Письма С. И. Метальникова к М. Н. Римскому-Корсакову. СПб филиал АРАН, фонд 902, опись 2. дело 331.
 19. Переписка С. И. Метальникова с Институтом Пастера. RAM.55, 8459. Archive Institute Pasteur.
 20. Лавренова О. А., Ульянкина Т. И. 2003. Наука Будущего. Переписка Н. К. Рериха и С. И. Метальникова. Культура и время. № 2 (в печати).
 21. Goodwin L. G., Bruce-Chwatt L. J. 1985. Cecil Arthur Hoare 1892-1984. Trans. R. Soc. Trop. Med., 77: 295-323.
 22. Письма С. А. Гоара к В. А. Догелю. Архив КЗБ СПбГУ, фонд 3.
 23. Уваров Б. П.. ЦГИА СПб, фонд 14, опись 3, дело 50126.
 24. Любищев А. А.. Воспоминания о Борисе Петровиче Уварове. СПб филиал АРАН, фонд 1033, опись 3, дело 506.

25. Крыжановский О. Л. 2000. Сэр Борис П. Уваров. Полководец противосаранчевых армий. Природа № 3. С. 61-66.
26. Письма Б. П. Уварова к Н. Я. Кузнецову. СПб филиал АРАН, фонд 793, опись 2, дело 708.
27. Письма Б. П. Уварова к М. Н. Римскому-Корсакову. СПб филиал АРАН, фонд 902, опись 2, дело 539.
28. Шиц В. М.. ЦГИА СПб, фонд 14, опись 3, дело 45546.
29. Письма В. М. Шица к М. Н. Римскому-Корсакову. СПб филиал АРАН, фонд 902, опись 2, дело 623.
30. Письма В. М. Шица к А. А. Любищеву. СПб филиал АРАН, фонд 1033, опись 3, дело 479.

Фото 1. На Севастопольской биологической станции.

Слева на право: Р. К. Минкевич, К. Н. Давыдов, Г. А. Шнейдер, А. С. Догель.

Архив автора. Публикуется впервые.

Фото 2. К. Н. и А. Ю. Давыдовы с внуком Михаилом. Со, Франция, Апрель 1960.

Архив автора. Публикуется впервые.

Фото 3. С. И. Метальников. Петербург, начало 1900-х годов (?).

Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые.

Фото 4. С. И. и Н. И. Метальниковы. Франция, 1935 год. Печатается с

любезного разрешения Андрея Корлякова, автора книги "Русская эмиграция в фотографиях, Франция 1917-1947", издательство ИМКА-ПРЕСС, 2001 г., Париж.

Фото 5. С. А. Гоар (стоит справа шестой) в группе студентов и преподавателей зоотомического кабинета. Петроград, 1916 год (?).

Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые.

Фото 6. С. А. Гоар. Ленинград, 1959 год. Архив автора. Публикуется впервые.

Фото 7. Преподаватели и студенты Зоотомического кабинета. Петербург, 1908 год.

Сидят (слева): П. П. Иванов, В. Д. Зеленский, А. В. Швейер, В. Т. Шевяков,

М. Н. Римский-Корсаков, В. А. Догель и А. С. Щепотьев. Стоят (второй ряд, слева):

Д. Н. Бородин, П. В. Корнаков, ?, В. М. Исаев, Г. Н. Нилус, Оль. Третий ряд

(слева): Цукерман, ?, Голованов, И. Н. Филиппьев, Д. М. Федотов. Верхний ряд

(слева): И. И. Соколов, Б. П. Уваров, Д. А. Смирнов, А. А. Любищев, ?, В. В.

Никольский.

Архив КЗБ СПбГУ.

Фото 8. Б. П. Уваров в своем лондонском кабинете. Февраль 1955 года.

Архив КЗБ СПбГУ.

Фото 9. В. М. Шиц после сдачи магистерского экзамена. Петербург, март 1913 года.

Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые.

Фото 10. В. М. Шиц. Автопортрет. Берн, 1936. Архив автора. Публикуется впервые.